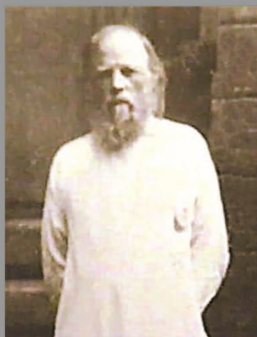

Отец Алексей Мечев

ПРОПОВЕДИ

СПИСС

Алексий Мечев

Проповеди

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51367127

Проповеди / Отец Алексей Мечев: Сатишь; Санкт-Петербург; 2007

ISBN 5-7373-189-3

Аннотация

Проповеди очень чтимого и любимого московского батюшки – о. Алексия Мечева (святого праведного Алексия Московского) помогут получить ответы на многие вопросы духовной и земной жизни нуждающимся в этом.

Содержание

Из бесед на избранные места из творений СВ. Иоанна Лествичника	6
Беседа 1	6
Беседа 2	13
Беседа 3	20
Из бесед «О преподобном Серафиме Саровском»	31
Беседа 13	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Отец Алексей Мечев

Проповеди

По благословению

Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского

ВЛАДИМИРА

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление,
2007

Из бесед на избранные места из творений СВ. Иоанна Лествичника

Беседа 1

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Господь сказал Своим ученикам: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими, потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и не многие находят их». Когда ученики ужаснулись трудности пути спасения и спросили Господа: «Кто же может спастись?» – Иисус, возрев на них, говорит: *Человекам это невозможно, но не Богу, ибо все возможно Богу* (Мк. 10, 27).

Я боюсь, что чтение «Лествицы» св. Иоанна вызовет этот страх, это смущение. «Кто же может подняться на эту Лествицу?» – подумают духовные мои дети. *Человекам это невозможно, но не Богу, ибо все возможно Богу*. Вступать на путь духовной жизни можно только уповая на эти слова, а не на свои силы. От нас Господь требует усилий в меру наших человеческих сил, в меру нашего человеческого разума – остальное дает нам Божественная благодать, Божия помощь.

Вот почему, приступая к чтению «Лествицы» св. Иоанна,

да не дерзаем ставить себе задачей подняться на недостижимую его высоту. Задача подвижающегося – работать для Господа всю жизнь. А каковы будут плоды – это от благодати Божией.

Первая ступень Лествицы требует от нас должного отношения к «миру». Надо противопоставить себя ему. Провести некую черту. Отречься от него. Первое слово св. Иоанна «Об отречении от мира», а следующее, ступень вторая, «Об беспристрастии».

Боящихся сделать этот шаг св. Иоанн ободряет следующими словами: «В самом начале отречения, без сомнения, с трудом, понуждением и горестью исполняем добродетели, но преуспевши, перестаем ощущать в них скорбь или ощущаем, но мало; а когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено усердием, тогда совершаем их уже со всякою радостью и ревностью, с вожделием и Божественным пламенем».

«Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие», – говорит апостол Павел. Свои скорби ожидают и вступающего на путь духовной жизни. Слишком сильна над нами власть жизни мирской, чтобы мы могли без боли, без тоски, без скорби отсечь внутренне цепи, связующие нас с миром. Но великий опыт подвижников вселяет в нас радостную бодрость. Он говорит нам о дальнейшем. О том, что ждет нас, когда мы не остановимся на полпути, когда «преуспевши» и победив «плотское мудрование», подыдемся несколь-

ко над жизнью мирской. Тогда этот подвиг отречения вселит в нас радость. Божественное пламя и ревность охватят нас...

«Желающие истинно работать Христу прежде всего да приложат старание, чтобы при помощи духовных отцов и собственным рассуждением избрать себе приличные места и образы жизни, пути и обучения: ибо не для всех полезно общежитие по причине сластолюбия, и не все способны к безмолвию по причине гнева, но каждому должно рассматривать, какой путь соответствует его качествам».

Это указание св. Иоанна относится не только к подвижающимся в монашестве, – оно относится и к нам, мирским людям. Совершающие путь духовной жизни в миру, отрекающиеся от него внутренне, не уходящие в монастыри, в пустыни и затворы, все же неминуемо должны и по внешности, хотя и в условиях мирской жизни, изменить жизнь свою. Нужен некий внешний режим жизни, который и должен быть установлен «собственным рассуждением», но с ведома, по совету и с согласия духовника.

«Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего Царствия, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине стяжал память о вечном мучении и Страшном Суде, кто истинно страшится своего исхода из сей жизни, тот не возлюбит уже ничего временного».

Да и как возлюбить ему? Тот горний Иерусалим, то вечное Царствие – если оно откроется внутренним очам – сразу осветит особым светом мирскую жизнь. Увидит человек,

как ничтожны и призрачны соблазны мира. Как суетны заботы. Временное, преходящее станет для него подобно сновидению. Какими страшными предстанут ему грехи против Господа! Какое великое правосудие увидит он в вечных мучениях для душ, возлюбивших временное и отвергнувших Христа! Ибо вечная, бессмертная душа человеческая, избирающая временное и тленное, сама себя ввергает во власть вечной смерти.

«Если кто возненавидит мир, тот избежит печали. Если же кто имеет пристрастие к чему-либо видимому, то еще не избавился от нее; ибо как не опечалиться, лишившись любимой вещи».

Вначале человеку кажется, что отречься от мира, значит избрать путь, не знающий радости. Радость мирская кажется ему единственной радостью жизни. Но это самообман. Это наваждение бесовское. Эта кажущаяся мирская радость опустошает душу, является источником уныния, разочарования, безотчетной тоски. За минуту этого мелькнувшего призрака человек платит долгими и тяжкими скорбями.

«Не верь этому призраку, – говорит св. Иоанн. – Не радость, а печаль ждет тебя в миру. Ибо жизнь мирская – это постоянное лишение себя “любящих вещей”. Возненавидь мир. Возненавидь “вещи” сии – и тогда избежишь печали».

«Будем внимать себе, чтобы, думая идти узким и тесным путем, на самом деле не блуждать по пространному и широкому. Узкий путь будет тебе показан утеснением чрева,

всенощным стоянием, умеренным питием воды, скудостью хлеба, очистительным питием бесчестия, принятием укоризн, осмеяния, ругательств, отсечением своей воли, терпением оскорблений, безропотным перенесением презрения и тяготы досаждений, когда будешь обижен, – терпеть мужественно; когда на тебя клеветают – не негодовать; когда уничижают – не гневиться. Блажены ходящие стезями показанного здесь пути, яко тех есть Царство Небесное».

Здесь св. Иоанн предостерегает нас от обольщения. Человеку может казаться, что он избрал себе путь узкий, что идет он не по широкой мирской дороге, по которой идет погибающее большинство. Отвлекая внутреннее внимание, темная сила уводит от истинного узкого пути спасения.

«Внимай себе! – говорит св. Иоанн. – Внимай, чтобы не поддаться обольщению сему». А вот и признаки, по которым ты можешь проверить, каким путем идешь: узким ли, ко спасению, или блуждаешь по пространному и широкому пути гибели. Сначала признаки внешние: если ты утесняешь чрево твое постом, если ты доволен, питаешься одним хлебом, если ты мало пьешь воды и не думаешь об одежде, если ты не ленишься встать на ночную молитву – ты идешь узким путем. А вот признаки внутренние: если ты отсекаешь свою волю и терпеливо и радостно несешь послушание, если ты безропотно несешь бесчестие, осмеяние, обиды, если ты не негодуешь на клевету и смиряешься, когда тебя осуждают, – ты идешь узким путем. Труден, воистину труден этот путь. Но

блаженны идущие им – «яко тех есть Царство Небесное!»

«Некоторые люди, нерадиво живущие в мире, спросили меня, говоря: “Как мы, живя с женами и оплетаясь мирскими попечениями, можем подражать житию монашескому?” Я ответил им: “Все доброе, что только можете делать, делайте, никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни пред кем не возносите, ни к кому не имейте ненависти, не оставляйте церковных собраний, к нуждающимся будьте милосердны, никого не соблазняйте, не касайтесь к чужому ложу и будьте довольны образа жен ваших. Если так будете поступать, то недалеко будете от Царствия Небесного”».

Этот ответ св. Иоанна Лествичника в наши дни имеет особое значение.

Один пустынный нашего времени рассказывал мне, как однажды, подымаясь в гору, после обсуждения пустынниками вопроса, не надо ли им выстроить свой монастырь, он удостоился видения. Ему предстал Ангел, который сказал:

– Не время строить монастыри.

Рассказано мне это было за несколько месяцев до Германской войны.

«Не время строить монастыри!» – Воистину так! Но время подвизаться подвигом монастырским! Внешняя монастырская жизнь для немногих сейчас доступна. И духовная жизнь христиан должна проходить теперь в условиях жизни мирской. Им надлежит создавать невидимые «духовные» монастыри своею жизнью, – наипаче же молитвенным по-

двигом. Не многие могут теперь жить за каменными монастырскими стенами, отделяющими тот, суетный мир, – от этого, христианского, Божьего. Но значит ли это, что никаких стен нельзя воздвигнуть между тем и этим миром?

Внутреннее отречение от мира – вот фундамент этого монастыря. Молитвою, борьбой со страстями, чистотою жизни, отречением от своей злой воли, подвигами и работой Господней – всецело уповая на благодатную помощь Божию – воздвигни стены этого невидимого для людских глаз монастыря. Не осуждайте, не лгите, любите людей, угасите вражду в сердцах ваших, будьте милосерды и чисты сердцем, – и монастырем для вас станет внутренняя ваша жизнь. Стройте же эти невидимые духовные монастыри. Уходите в них от суеты мирской. Наступило для сего лето Господне благоприятное!

Аминь.

Беседа 2

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Человеку кажется, что все его несчастья происходят от внешних житейских неудач. Если потерял он имение свое, ему кажется причиной его несчастья материальная неустроенность. Если он болен, болезнь представляется ему главным источником бед. И думает человек: какой бы я был счастливый, если бы вернулось ко мне мое здоровье. Этот несчастен потому, что лишился места. У этого умер близкий человек. У той муж пьянствует и проживает свой достаток.

Все эти несчастья так близки, так понятны нам. Но не они делают нас несчастными. Они лишь внешние поводы, в которых обнаруживается наше душевное неустройство. И богатые могут быть несчастными, и бедные счастливыми, и здоровые могут умирать от тоски, и больные могут ликовать от радости, и имеющие службу бросаются под поезд, и неимеющие благодарят Господа за жизнь. Все зависит от души, которая переживает то или иное ниспосланное ей в жизни. Одни и те же события людьми разного душевного устройства будут пережиты по-разному. Знаменателен в этом отношении ответ, данный Василием Великим правителю, который угрожал ему разорением, изгнанием, истязанием и казнью. Повествует о сем свт. Григорий Богослов в надгробном слове Василию Великому.

– Если можешь – угрожай иным, а это нимало нас не трогает, – ответил на угрозы свт. Василий.

– Как же это и почему? – спросил правитель.

Св. Василий ответил:

– Потому что не подлежит описанию имущества тот, кто ничего у себя не имеет. Изгнания не знаю, потому что не связан никаким местом... везде Божие место, где ни буду... Смерть же для меня благодетельна, она скорее преподшет к Богу, для Которого живу и тружусь, для Которого большею частью себя самого я уже умер и к Которому давно поспешаю...

Так говорит святой, имеющий истинное устройство души. А сколько людей считали бы себя несчастнейшими, лишаясь имущества, подвергаясь изгнанию или ожидая смерти!

События внешней жизни не зависят от нас. И не на это внешнее устройство должны мы обращать главное внимание. Мы должны, прежде всего, в порядок привести собственную свою душу. В исполнении этой задачи великое значение имеет чтение святых Отцов. Ради этой задачи беседуем мы и о восхождении по Лестнице св. Иоанна. Ради этого устройства, как мы видели в первой беседе, надлежит подняться на первую ступень – «отречения от мира», и на вторую – «беспристрастия». Ныне надлежит нам рассмотреть третью ступень, о которой говорит третье слово Лестницы: «О странничестве».

«Странничество есть невозвратное оставление всего, что

сопротивляется нам в стремлении к благочестию. Странничество есть недерзновенный нрав, неведомая премудрость, необъявляемое знание, утаиваемая жизнь, невидимое намерение, необнаруживаемый помысел, хотение уничтожения, желание тесноты, путь к Божественному вожделению, обилие любви, отречение от тщеславия, глубина молчания».

Отрекшийся от мира уходит внутрь себя. Он чувствует себя не связанным с жизнью мирской. Он живет как странник здесь, на земле. Он навсегда оставляет то, что в миру мешает благочестию. Жизнь его «утаивается» от взоров, она протекает внутри, в духе его. Он не имеет стремления тщеславиться ни знаниями своими, ни высотой своей, ни мудростью, ибо мир – ничто, – могут ли услаждать странника мирские похвалы?

«Ощутивши пламень беги; ибо не знаешь, когда он угаснет и оставит тебя во тьме».

Если возгорелась в тебе ревность о жизни духовной, беги от мира. Теперь же, не откладывая, приступай к служению Господу. Дорожи этим огнем. Не дай остынуть ему в тебе. Если не будешь возгревать души – он угаснет, и снова спустится в сердце твое мрак, снова суета мирская поработит тебя.

«Лучше оскорбить родителей, нежели Господа, потому что Сей создал и спас нас; а те часто погубляли своих возлюбленных и подвергали их вечной муке».

Уважение и любовь к родителям указаны нам заповедью

Божией. Но враги человеку домашние его. И если жизнь духовная встречает на своем пути препятствие в лице неверующих родителей, – лучше огорчить их, чем Господа. И если дети, или близкие, или вообще кто бы то ни было из людей мешает идти за Христом, – лучше огорчить человека, не послушаться его, чем Господа, Которому послужи. А теперь вопрос этот часто встает в семьях. Как быть верующим, душа которых стремится к храму, к молитве, к соблюдению постов, к жизни церковной, когда часть семьи смеется над этим, восстает на это, препятствует этому? Слушаться ли их, чтобы не огорчить непослушанием? Нет! Все сделав для сохранения мира – все же надо идти своей дорогой, памятуя – лучше оскорбить родителей, детей, близких, кого бы то ни было из людей, чем Господа.

«Когда мы ради Господа, оставив свои дома и родственников, предаем себя отшельнической жизни из любви к Богу, тогда бесы стараются возмущать нас сновидениями, представляя нам сродников наших или сетующих, или умирающих, или за нас в заключении держимых и другие напасти терпящих».

И дальше:

«Кто верит бесу, для того он часто бывает пророком, а кто презирает его, пред тем всегда оказывается лжецом».

О бесах надлежит нам сказать подробнее. Часто упоминают о них святые отцы. Это слово смущает мирского человека. Ему внушают, что верить в существование бесов могут

лишь безграмотные люди. Что это признак невежества, что это простое суеверие, унаследованное невежественным народом от предков своих вместе с верою в домовых, русалок, ведьм и колдунов.

Так думают те, для кого не существует иного мира, кроме того вещественного мира, который окружает нас, который мы видим и осязаем. Для них нет ни Бога, ни дьявола, ни Ангелов, ни бессмертных человеческих душ, ни ада, ни рая, ни вечной жизни: человек для них – часть этого вещественного мира. Умрет, сгниет – и это все. Для них человек вещественно-случайное соединение каких-то атомов, и жизнь потому ничто иное, как ряд приятных или неприятных случайностей. Никто невидимый, по их пониманию, не стоит за видимым миром.

Для нас, верующих, и самое вещество имеет невидимую, духовную основу. И мир не случайность, а Божие создание. И жизнь не случайность, а нечто, имеющее великий смысл, ибо руководит ею Промысл Божий. Для нас есть Господь Вседержитель. Для нас, кроме этого мира, есть мир иной, в котором свое бытие, свои законы. Для нас этот иной мир содержит тьмы Ангелов, часть которых отпала от Господа и ведет с Ним брань, стремясь отторгнуть от спасения человеческие души. Тот духовный, невидимый мир находится в некотором соприкосновении с миром земным. На нашу внутреннюю жизнь влияют и Ангелы Хранители наши, влияют и темные силы бесовские, влекущие нас к гибели.

Бесы – не отвлеченное понятие, не символ, не иносказание и, тем паче, не продукт невежества. Они есть несомненное, действенное и личное начало потустороннего мира.

Так всегда относилась к ним святая Церковь, так всегда относились к ним святые Отцы.

Все богослужение полно этой бранью святой Церкви с темными силами дьявола и его служителей. Заклинания при Крещении имеют сего врага как бы лицом к лицу. Все молитвы святых исполнены этой пламенной вражды к силам бесовским. Молитвы святых это как будто внутренняя война с бесовскими полчищами. А жития святых? Это история неустанной брани души человеческой с дьяволом, бесами, демонскими силами.

Многим святым, достигнувшим высоты духовной, Господь дал видеть их очами. Преподобный и Богоносный отец наш Серафим Саровский говорит, что «вид их гнусен».

Как же можно доверять наветам бесовским? Как можно их слушать? Как можно им подчиняться?

Не верь ему, когда он будет терзать душу твою, стремящуюся стать на путь духовной жизни, сомнениями. Не верь, когда он, овладев твоим сном, станет тревожить тебя «пророческими сновидениями», и, главное, не верь, когда он будет клеветать на жизнь, представляя тебе ее, как не имеющий смысла путь к могиле. Накануне светлого дня Пасхи может ли устоять ложь бесовская, могут ли не рассеяться как дым полчища темных сил, может ли не содрогнуться ад от побед-

ной, ликующей песни: «Христос Воскресе!» Аминь.

Беседа 3

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Слово Божие имеет силу перерождать человеческую душу. И тогда все, что было справа, начинает казаться слева, а все, что было слева, начинает казаться справа. Иной язык, иные понятия, иные чувства у верующего и у неверующего человека. Что хорошо по-Божьи, то плохо по-мирскому, и наоборот, что хорошо по-мирскому, то мерзость пред Господом. И вот, когда упадет семя Слова Божия на добрую почву, человек мирской начинает скорбеть, ибо чувствует, как отрывается от обычной мирской жизни, мирских интересов, мирских понятий, но не может найти дороги, по которой можно идти в условиях жизни мирской, в то же время исполняя заповеди Божии.

Это создает в его душе как бы некий разлад, как бы некое смущение. Он уже потерял вкус к тому, что раньше так манило его в жизни мирской, но и не научился еще вполне отдаваться жизни духовной. И спрашивает такой человек: как ему жить? То есть, как ему найти в наших условиях жизни такие пути, которые бы дали ему возможность и в мирской суете жить по-Божьи. Его смущает, что вся наша жизнь построена совсем не так, как учил Христос, и что даже невозможно найти приложения, возгоревшейся ревности о жизни во Христе.

Но так было всегда. И в первые века христиане жили среди язычников. И разве христианин, живший при дворе римского императора, где царствовали разврат, честолюбие, зависть и злоба, разве он не был поставлен пред тем же вопросом: как в условиях жизни мирской сохранять и осуществлять христианское учение?

Здесь открывается первая задача для всякого христианина. Задача внутренняя. Задача нашего внутреннего душевного устройства. Внешняя жизнь может остаться еще неизменной, но это будет уже совсем иной человек. Иное отношение будет к скорбям, неудачам, болезням, злобе, клевете, материальному благополучию, богатству, бедности, славе, иной откроется смысл человеческого бытия.

И потому первое, на что надлежит указать человеку, отрывающемуся от жизни мирской, уже почувствовавшему жизнь Господа, – нужно указать ему на те внутренние духовные задачи, которые стоят перед каждым. Когда душа человеческая придет в надлежащий строй, тогда Господь вразумит ее и о внешнем жизненном пути.

Для того, чтобы отдаться жизни духовной, надо иметь внутреннюю решимость отдаться этой жизни окончательно, вполне. Это то самое, что так страшит многих, что заставляет их служить двум господам и что является источником многих скорбей. Господь призывает нас не к тому, чтобы мы половину сердца отдали Ему; не к тому, чтобы мы половину души отдали Ему. Он хочет от нас не того, чтобы мы напо-

ловину только служили Ему, Господь требует, чтобы мы все сердце наше, всю душу нашу, всю нашу жизнь отдали Ему. Только при этом Господь обещает нам все то, что мы так хорошо помним, когда что-либо просим у Господа, и всегда забываем, когда речь идет о наших обязанностях пред Ним.

«Не заботьтесь о завтрашнем дне», – сказал Господь. Но тут же прибавил: *Ищите же прежде Царствия Божьего и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 34).

Ты хочешь, чтобы Господь одел тебя, как лилию, и питал тебя, как птицу небесную, – так ищи прежде Царствия Божия, и все необходимое для твоего земного существования будет дано тебе.

Ты запомнил слова Господа: «У вас и волосы на голове все сочтены». Но не забыл ли другие слова, сказанные тут же: *Кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 32).

Но можешь ли ты, желающий такого попечения Божьего о твоей жизни, можешь ли ты по совести сказать, что исповедуешь Господа перед людьми?

Только тот воистину отдает свою жизнь Господу, кто каждый час, каждую минуту своей жизни может сказать: «Да будет воля Твоя».

Как достигнуть такого состояния духа? Многими трудами достигается оно. Святые подвижники учат, что необходимо прежде всего отречение от своей воли. Отсюда краеугольный камень монашества – послушание.

Четвертая ступень Лествицы и раскрывает этот путь. В слове четвертом св. Иоанн говорит «О блаженном и приснопамятном послушании».

Что есть послушание?

«Послушание есть совершенное отречение от своей души, действиями телесными показуемое... Послушание есть... добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытства, беспечалие в бедах, неуготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих. Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения... Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает, ни в добром, ни в мнимо худом; ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его. Послушание есть отложение рассуждения и при богатстве рассуждения».

Когда мы многое имеем возразить против того, что повелевает духовный отец, нужно отложить все «рассуждения» – ибо согласие не есть послушание. Монастырское послушание или послушание старцу и есть послушание без мотивов, без рассуждений, без возражений.

Конечно, священник-духовник не то же, что старец, – но и ему должен? оказывать добровольное послушание, поскольку во всякое духовничество входит элемент старчества.

«Начало умерщвления и душевной воли, и членов тела бывает прискорбно; середина иногда бывает с прискорбием, иногда без прискорбия, а конец уже без всякого ощущения

и возбуждения скорби».

Когда человек вступает на путь послушания – вначале ему трудно подчинить волю свою чужой воле. Отсюда скорбь и смятение духа. В середине пути бывает по-разному. Одни быстро усваивают привычку к послушанию, другие с трудом, – отсюда у одних эта середина пути проходит без скорби, у других – в скорбях. А к концу все люди радостно несут подвиг послушания.

Святой Афанасий Великий называет послушание «добровольным мученичеством». И мученический путь в начале труден. В середине допускает колебания. А к концу – светел и радостен.

«Отцы псалмопение называют оружием, молитву – стеною, непорочные слезы – умывальницею, а блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа».

Что это значит? Это значит, что многообразны средства, которыми пользуемся мы в борьбе за наше спасение: псалмопение – подобно оружию в этой борьбе с темными силами; молитва – созидает стену, которую мы, как крепостными стенами, ограждаем себя от суеты мирской; непорочные наши слезы – это умывальница, в которой мы омываемся от наших грехов. Велико значение и псалмопения, и молитвы, и слез. Но послушания они заменить не могут. Послушание есть исповедничество Господа. Свидетельство бесстрастия. Путь самоотречения, без которого никто не узрит Господа.

Послушание дается не сразу. На пути сего подвига есть свои обольщения.

«Находящийся в повиновении, когда победит следующие два обольщения врагов, пребывает уже рабом Христовым и вечным послушником».

О первом обольщении:

«Дьявол старается находящихся в повиновении иногда осквернять телесными нечистотами, делает их окаменелыми сердцем и сверх обычая тревожными; иногда наводит на них некоторую сухость и бесплодие, леность к молитве, сонливость, помрачение, чтобы внушить им, будто они не только никакой пользы не получили от своего повиновения, но еще и вспять идут, и таким образом отторгнуть от подвигов послушания. Ибо он не попускает им разуметь, что часто промыслительное отнятие многих наших духовных благ бывает для нас причиною глубочайшего смиренномудрия».

Как часто на исповеди духовнику приходится слышать о таких душевных состояниях... Почти полторы тысячи лет тому назад писаны эти слова св. Иоанна Лествичника, но законы духовной жизни одинаковы для всех времен и народов. Духовные немощи и обольщения и тогда были такими же, как и ныне.

И ныне пребывающие в послушании и под руководством старцев или простых духовников, встающие на путь духовной жизни подвергаются такому же нападению врага. Они вдруг начинают чувствовать окаменелость сердца. То вне-

запная тревога охватывает их; то сухость, то лень, пропадает почти совсем желание молиться. Враг вкладывает ему мысль, что пока он не исполнял послушания, не шел по этому пути, он был лучше. Лучше молился, был чище сердцем, духовнее, ревностнее работал Господу. А вот как встал под руководство, – так и потерял все.

Знай – это искушение. Вражеский навет, попускаемый промыслительно, ибо такое временное лишение нас духовных благ бывает для нас причиною глубочайшего смиренного-мудрия.

Обольщение второе противоположно первому:

«Видел я послушников, исполненных сердечного умиления, кротких, воздержанных, усердных, свободных от брани страстей и ревностных к деланию, которые сделались такими через покров отца своего. Бесы, приступивши к ним, тайно вложили в них мысль, будто они уже сильны к безмолвию и могут достигнуть через него совершенства и бесстрастия. Обольщенные сим, они пустились из пристани в море, но когда буря настигла их, они, не имея кормчего, потерпели бедственное крушение в этом скверном и соленом море».

Это значит, что иной раз слишком быстрые успехи поражают послушника, ему начинает казаться, что он уже достиг высоты, на которой не требуется послушания. Из тихой пристани выходит он на безбрежный простор своеволия. Здесь бесы стерегут его, и начатый под руководством так успешно путь жизни духовной кончается страшным кораблекрушени-

ем. Чаще всего именно здесь впадает человек в прелесть, то есть в горделивое самообольщение.

Но, как и во всем, не надо быть и в послушании человеком с двоящимися мыслями.

«Кто иногда слушает, а иногда не слушает отца, тот подобен человеку, который к больному своему глазу в одно время прикладывает любую мазь, а в другое – известь».

То слушаться, то не слушаться своего духовника, а особенно старца, – это значит то лечиться, то засорять зрение своей души. Духовное зрение наше не может быть чистым, если мы к духовным очам нашим то будем прикладывать духовную мазь послушания, то известь своеволия.

«Тем, которые взяли на себя о Господе попечение об нас, должны мы веровать без всякого собственного попечения, хотя бы повеления их и не согласны были с нашим мнением, и казались противными нашему спасению; ибо тогда вера наша к ним искушается как бы в горниле смирения. Признак истинной веры в том и состоит, чтобы без сомнения покоряться повелевающим даже тогда, когда мы видим, что повеления их противны нашим ожиданиям».

Здесь все с большей и большей ясностью открывается нам, какого послушания требует подвижник. Заметим, что речь идет о послушании монастырском, о руководстве старческом, где послушание является нарочитым подвигом. Духовник в миру не может взять на себя такого руководства, ибо не может руководить всею жизнью духовного своего сы-

на. Но в объеме его духовного руководства надлежит все же пребывать в послушании и мирянам, ибо без послушания отцу – нет сыновнего отношения, и значит нет и никакого руководства.

Вот почему, в завершении наставления о послушании, св. Иоанн говорит слова страшные, дерзновенные, говоря которые, святой подвижник предостерегает, чтобы словами этими «не ужасались».

«Не ужасайся и не дивись, когда скажут тебе, что лучше согрешить перед Богом, нежели пред отцом своим; потому что если мы прогневали Бога, то наставник наш может Его с нами примирить; а когда мы наставника ввели в смущение, тогда уже никого не имеем, кто бы за нас ходатайствовал».

Вот последняя степень самоотречения. За тебя, послушника, даст пред Господом ответ твой отец духовный, которому вверил ты душу свою.

Сомневаешься ли ты в великом значении послушания? Спроси об этом тех, кто имел и лишился сего блага.

«Пользу послушания возвестят тебе те, которые отпали от него; ибо они тогда только узнали, на каком стояли небе».

Воистину так! Ведь мы вообще умеем ценить только то, что у нас отнимается. Пока тело наше здорово, мы не замечаем и не ценим этого блага. А когда заболеем тяжкою болезнью, думаем, что были бы счастливы, если бы исцелились от нее.

Пребывать в послушании в смысле духовном – как бы пре-

бывать на небе. Отпавшие от него лишились этого неба, и только после того, как лишились, поняли, на какой высоте стояли и куда низвергнуты.

Мы внимаем с вами словам св. Иоанна о блаженном и приснопамятном послушании. И чудится мне вопрос, который встает у многих из вас: «Ведь здесь идет речь о монастыре, здесь речь идет о настоятеле, о старце, но кого слушаться в миру?»

Скорбь великая в том, что вопрос этот основателен, сомнение понятно, и что вина в том двоякая – вина и мирян, и пастырей.

Долгие, долгие годы иной раз живет человек, не оглядываясь на свою жизнь. Но вот разразится беда, оглянется человек – и ужаснется: да куда я зашел? Нечто подобное испытывается нами, когда мы, после всех церковных потрясений, оглядываемся на жизнь церковную: Боже! Да куда же мы зашли? Я не знаю книги более страшной для совести каждого из нас, чем «Книга Правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец».

Читая именно эту книгу, видишь, как мы ушли «в сторону», что мы забыли. Это имеет прямое отношение и к вопросу – кого слушаться.

Духовный отец, пастырь превратился в требоисполнителя. А миряне исповедываются раз в году и считают, что чаще исповедываться почти грешно.

Но можно ли руководить духовною жизнью человека, ко-

того видишь раз в год? И как при таких условиях возможно послушание? Как может пастырь взять на себя ответственность пред Господом за человеческую душу? И обращаются ли миряне к пастырю за «руководством»? Не обращаются ли к нему только тогда, когда надо крестить, венчать, хоронить или отслужить молебен и панихиду? Но разве пастырство только в этом? О конечно, пастырь – не старец, но ведь ему вверены души мирян. Он должен пасти свою паству, то есть вести ее ко спасению, а для этого он должен назидать и просматривать души духовных своих чад. Без этого нет настоящего пастырства.

Вина и мирян, и пастырей не есть вина вчерашнего дня. Это вина вековая, глубоко коренящаяся в церковной жизни.

Надо общими усилиями избыть этот грех. Тогда ясен будет вопрос, кого слушаться в миру. Пусть мы, священники, станем отцами. Пусть вы, миряне, почувствуете себя детьми. Тогда вы легко найдете, кого слушаться: ибо дети должны слушаться отцов своих.

Аминь.

Из бесед «О преподобном Серафиме Саровском»

Беседа 13

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Когда апостолов впервые задержали в Иерусалиме и заточили в темницу, а потом привели в Синедрион, то некто Гамалиил обратился к собравшимся с речью, в которой говорил: «Февда выдавал себя за кого-то великого, и все, которые слушали его, рассеялись, после него явился Иуда Галилеянин, увлек за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались. Оставьте людей сих: если это дело от человеков, – оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его».

Сии слова оказались пророческими – дело Апостолов, как дело Самого Господа, не было уничтожено, его не могли разрушить ни иудейские, ни языческие гонители. То, что сказал Гамалиил, относится ко всякому делу, относится и к служению каждого отдельного человека: если служение его от Господа, то оно не разрушится, если это нечто подобное Февде или Иуде, – оно рассыплется само собою. Действенность святых слов проповеди зависит от благодатной силы Божи-

ей. Вот почему можно очень убедительно говорить об истинах веры и никого к вере не привести, если слова эти не будут преисполнены тою благодатною силою, которою преисполнены они у людей праведных. Потому и мы чувствуем особую, нас перерождающую силу в словах святых Отцов: за ними, за этими словами, написанными некогда и читаемыми ныне, стоит эта благодатная, действенная сила Божия. То же самое надо сказать и о поучениях преподобного Серафима, которые ныне предлежат нам. Когда мы читали житие его, мы чувствовали, что жизнь его была преисполнена действенной благодатной силой, то же самое будем переживать и при чтении его поучений.

«Бог есть огонь согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих холод, который от дьявола, ибо дьявол хладен, то призовем Господа – Он придет, согреет наше сердце совершенною любовью, не только к Нему, но и к ближним. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника».

Так говорит преподобный Серафим, так говорит достойно носивший имя «пламенный». Ведь для того, чтобы так подвизаться, как подвизался преподобный Серафим, для того, чтобы молиться тысячу дней и ночей, для того, чтобы нести такой пост, для того, чтобы быть исполненным такого смирения, – для всего этого нужно, чтобы в сердце постоянно горел пламень огненный. Только испытавший сам этот горящий огонь Божественной благодати в своем сердце мог

именно так определить Господа, именуя Его огнем согревающим и воспламеняющим сердца и утробы, то есть жизнь нашу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.